

В «Літературному ярмарку» Миколи Хвильового обнаружили рассказ еврейского модерниста Дер Нистера

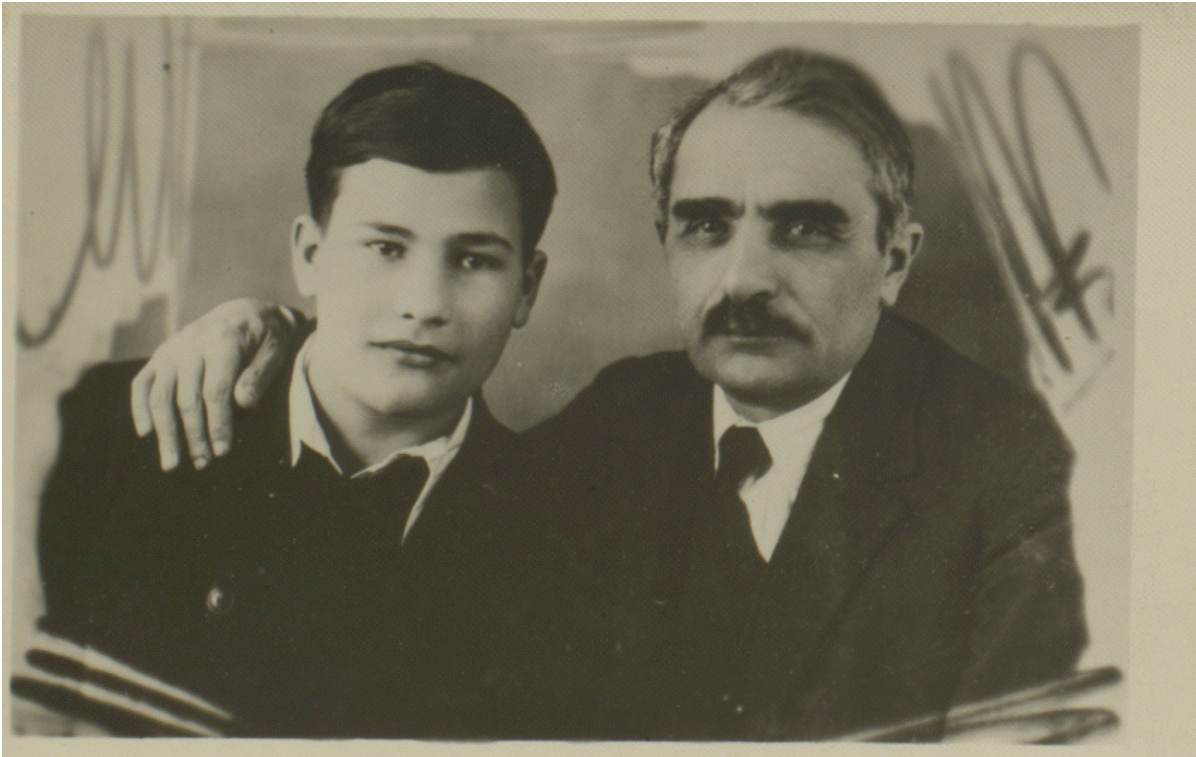

фото из книги Ber Kotlerman, Broken Heart/Broken Wholeness: The Post-Holocaust Plea for Jewish Reconstruction of the Soviet Yiddish Writer Der Nister, 2017
Дер Нистер с сыном Иосифом, 1930-е

Литература на идише... Феномен, который многие ошибочно полагают «вещью в себе», — для внутреннего, так сказать, употребления. Делая исключения для «нашего» Шолом-Алейхема и «их» Башевиса-Зингера, которых много и успешно переводили, соответственно, на русский и английский — имперские — в культуртрегерском понимании этого слова — языки.

И мало кто сегодня помнит, что множество произведений больших еврейских писателей активно выходили в свое время на солов'їній мові и до сих пор не удостоились перевода на «великий и могучий». Да и пропорции изданных на украинском и русском языках книг того же Шолом-Алейхема удивляют. Так, в

1930-м вышли восемнадцать украинских и только два русских перевода канонизированного советской властью писателя. Как отмечает литературовед Геннадий Эстрайх, уменьшение числа русских переводов связано с исчезновением мелких частных издательств, украинские же выпускались под патронатом государства. Впечатляют и масштабы — Шолом-Алейхем выходил на украинском тиражом в 20 — 30 тысяч экземпляров, в то время как тираж русских изданий не превышал 3 — 6 тысяч. И это автор, чей статус поддерживался «сверху» и десятилетняя годовщина смерти которого отмечалась с невероятной помпой — в Москве прошло торжественное заседание с наркомом Луначарским во главе, при участии Маяковского, Демьяна Бедного и других первых лиц советской литературы.

Менее признанные (но не менее талантливые) еврейские писатели не переводились на русский вплоть до 1990-х годов (иные не переведены до сих пор), в то время как украинский читатель мог познакомиться с их творчеством еще в 1920-е — на своем родном языке. Один из таких авторов — уроженец Бердичева Дер Нистер (Пинхас Каганович), чью могилу в поселке Абезь недалеко от Воркуты (литератор был репрессирован) обнаружил недавно израильский профессор Бер Котлерман (см. «У Полярного круга найдена могила еврейского писателя», №10, 2017). Проф. Котлерман поделился с нашим изданием редкой публикацией Дер Нистера в харьковском журнале «Літературний ярмарок» за 1929 год (№ 3). Ведущую роль в альманахе, авторов которого вскоре обвинят в «буржуазном национализме», играл один из основоположников послереволюционной украинской прозы Микола Хвелевой, в редколлегию входили Петр Панч, Микола Бажан, Владимир Сосюра, а «ярмарка» в названии намекала на возможность «свободной торговли» идеями, в противовес «государственным магазинам» и «литературным ведомствам». Модернист Дер Нистер вполне вписывался в украинский литературный процесс второй половины 1920-х годов: об этом, по словам проф. Котлермана, свидетельствует как сохранившаяся в ЦДАМЛМ (Центральний державний архів-музей літератури і мистецтва України в Києве) его переписка с рядом украинских писателей, так и его рассказ «Пьяный» («Сп'яніло») в выглядящем удивительно современно переводе на украинский Эфраима Райцина. Этот рассказ впервые был опубликован киевским издательством при знаменитой Культур-лиге в литературном альманахе на идише «Украине» в 1926 году, а в начале 1929-го увидел свет в сборнике символистской прозы Дер Нистера «Фун майне гитер» («Из моих сокровищ»).

Группа еврейских писателей. Слева направо, сидят: Лейб Квитко, Дер Нистер, Шахно Эпштейн, Перец Маркиш; стоят: Авром Каган, Давид Фельдман, М. Даниэль. Киев, 1927

Перед читателем один за другим открываются многочисленные фантазмагоричные миры Дер Нистера, в которых литературный герой, напившись, изливает душу в откровенной исповеди о жизни и творчестве, время от времени меняясь местами со своим автором-создателем. Многослойный, построенный на ассоциациях нарратив органично смотрится в номере, пересыпанном любопытными «интермедиями», одной из которых заканчивается и рассказ «Пьяный»:

О Підпилий! І нащо так багато пити і що тобі з цього?!

— Так говорю я, Великий Коментатор, переконаний остаточно, яке то є велике нещастя Аль-Коголь в Кінокефалії.

Тимчасом блукавши тут вулицями, я бачив тисячі і тисячі маленьких дітей і, бігши, вони отак гукали:

Хай живе Авто-Дор! — я не знаю, що воно таке — але, напевне, щось ясне і хороше. І хай воно живе та квітне — так гукаю і я. — І, одклавши коментарі, виходжу на вулицю.

Салям Алейкюм!

«Великий Комментатор» — это толкователь Аристотеля, арабский философ Аверроэс (Ибн Рушд), который был якобы вызван редакцией «Ярмарка» из ада для участия в этом номере, — объясняет профессор Котлерман. Как видно из вышеприведенного отрывка, он не упускает момента поддеть жителей Кинокефалии (подобно многим своим современникам, Аверроэс спутал страну скифов со страной кинокефалов, людей с собачьими головами), т.е. Советской Украины, хотя и не вполне понимает их своеобразный язык. Скорее всего, Дер Нистер был посвящен в эту задумку редакции, с членами которой лично дружил и даже жил в одном доме — видимо, именно с «кинокефальным» розыгрышем и связан выбор для украинской публикации рассказа «Пьяный», где фигурирует верный пес, превращающийся в двойника героя, а затем обратно в пса, играющего на скрипке.

Неудивительно, что журнал, нещадно битый официальной критикой даже за оформление (в модернистском стиле с элементами украинского вертепа), был вскоре закрыт. На форзаце его последнего, 12-го номера за февраль 1930 года расписались все участники этого оригинального проекта. Среди росписей — три на идише: Дер Нистера, Лейба Квитко и Хаима Гильдина (и подписи, и сам рассказ можно увидеть на странице проф. Котлермана на сайте Academia.edu). Помимо них, в работе журнала активное участие принимал еще один еврейский литератор — Давид Фельдман, лидер харьковской еврейской литературной группы «Бой» («Стройка»), члены которой были преданы ostrакизму в 1932-м за «троцкистский уклон» в литературе.

Повезло только Райцину — он активно писал и переводил с идиша на украинский (Шолом-Алейхема, И.-Л. Переца, Квитко, Маркиша и др.), был автором пьес, поставленных в различных театрах Украины. «Сп'яніло» — крохотный и, возможно, забытый эпизод в его успешной карьере переводчика. Для нас же это свидетельство если не вовлеченности еврейских литераторов в процесс украинского возрождения 1920-х, то, по меньшей мере, взаимовлияния в поисках стиля и формы. Станет ли родившийся и выросший в Украине Дер Нистер своим для нынешнего поколения украинских читателей — большой вопрос, но то, что он был своим для многих украинских коллег по цеху, с каждой подобной находкой становится все очевиднее.

Александр Файнштейн